

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.53

Ш.Ц. ЦЫДЭНЭ

УДК 930 (571.54)

ББК 63.2 (2Р54)

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ

С включением бурят в состав Российского государства появилась настоятельная необходимость создания механизмов управления и приобщения бурят к русской культуре. Данная необходимость стала предметом изысканий специалистов в области государственного строительства, которые в течение XIX в. сформировали теоретический фундамент.

В статье освещены вопросы образования и развития историографии по истории местного самоуправления бурят.

Ключевые слова: самоуправление, повинность, метод, исторический источник, историография.

SH.TS. TSYDENE

PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN BURYAT

With the inclusion of Buryats in the Russian state, the need arose to create management mechanisms and inclusion are of the Buryats in Russian culture. This need became the subject of research by theoreticians of scientific thought and state building, which formed over the 19th century, the historiographic foundation. The article highlights the issues formed and the development of historiography on the history of local self-government.

Keywords: self-government, obligation, method, historical source.

Отечественная историческая наука имеет давние традиции изучения истории и культуры коренных народов начиная с XVIII–XIX вв. Среди них присутствуют как классики научной мысли, так и чиновники, оказавшиеся по долгу службы или по воле судьбы в Сибири. Всем исследователям была присуща общая идея: способствовать благоустройству государственных и общественных дел в Сибирском крае. При этом научные изыскания не раз меняют приоритеты в рассмотрении культурных и исторических аспектов жизнедеятельности народов Сибири, из которых ученые наиболее часто выделяют тунгусов, якутов и бурят [9, с. 4], подчеркивая жизнестойкость якутов и бурят в суровых условиях жизни Сибири [11, с. 586].

Сначала необходимо остановиться на периодизации, предложенной С.С. Шашковым, которая, по нашему мнению, является наиболее обоснованной при рассмотрении истории местного самоуправления бурят. Автор провел границу в качественном изменении состава и причин осуществления самоуправления. Явственное различие периодов автор представил в двух понятиях обозначающих коренное население Сибири но различных по содержанию: «иноверец» — за которым закреплялись подати и повинности, образовавшиеся в ходе истории и приведённые в регламентированное состояние в результате деятельности комиссии капитана А. Щербачева; «инородец», отношения которого регламентировались в соответствии со статьями Устава об управлении инородцами от 1822 г. (далее «устав»), являющегося результатом усилий комиссии М.М. Сперанского [11, с. 652].

Данная периодизация дает возможность рассматривать как эволюцию местного самоуправления бурят, так и исследовательские традиции отечественной исторической науки.

Так, дореволюционная историография закономерно положила начало научным изысканиям по теме местного самоуправления бурят. Вполне объяснимо, что первые сведения были получены благодаря этнографии. Среди таких исследований выделяется работа И.Г. Георги, в которой описан быт бурят [6]. Несмотря на определенную скудность описания, нам представлены саамы первые и несомненно ценные сведения. Автор описывает административное образование бурят как основанное на родовой принадлежности. Вместе с тем он подчеркивает наличие административных единиц, образованных на основании географии расселения и расположения относительно русских поселений. Дальнейшее развитие поставленная проблема получила в работе А.Ф. Раева, содержащая новый взгляд на административно-племенное образование самоуправления с использованием топографии и лингвистики, что отражает желание автора систематизировать имеющиеся знания о бурятах [9, с. 4, 9]. Внутреннюю структуру управления из описаний И.Г. Георги

можно представить в последовательности «хотон» — «род» (аймак) — «малое племя» (табун), которые существуют в рамках общей традиции по сохранению и образованию базовых единиц управления — хотон, на постоянной основе в составе до 12 семей [6, с. 25]. Однако в авторском тексте имеются разночтение в административном делении. Так, автор указывает на «аймак» как составную часть «табуна». Но для управления «табуна» отправлялись «шуленги», избиравшиеся для нескольких «хотонов», руководителем которых был «засуль». Отсюда можно предположить, что «шуленги» являются руководителями «аймаков». Однако прямого указания на это в работе мы не находим и потому место «аймака» в административной вертикали остается не ясным.

Более убедительны указания автора о порядке занятия должностей как основанном на выборности и производящемся в процедуре избрания на должности, из «своего дворянства» а также необходимости данной кандидатуры или кандидатур быть утверждёнными губернским правлением. Эта процедура распространялась на должности «шуленги, зайсана, ехэ толгой» или наследовавшего эту должность «тайши». При этом любопытно отсутствие прямого указание на необходимость подтверждения в должности «зассуль» [6, с. 25]. И здесь, вышеупомянутая неясность проявилась снова с отсутствием в описании четкой связи между должностями и органами самоуправления, что существенно вредит смысловой целостности текста. Несмотря на это многое из описаний И.Г. Георги остается актуальным и особенно это касается должностных инструкций управителей. Автор подчеркивает, что «блюстителю законов, содержат свои общества в совокупности, решают распри, по обычаям располагают и собирают подати», а подотчётны были сборщикам, приемщикам подати, комиссарам или начальникам [6, с. 25]. Кроме того, автор описывает практику вознаграждений: отличившимся вручали кинжалы и кортики. Ценность такой похвалы отмечается в работах М.К. Кюхельбекера и Н.С. Щукина [7, с. 47; 13, с. 430–434].

Неизменность состава органов самоуправления у бурят подтвердил М.М. Геденштром в начале 1830-х гг. В работе «Отрывки о Сибири» автор возводит начало официальной истории бурятского самоуправления к «пограничным инструкциям» от 1727 г., С.В. Лукич-Рагузинского, когда бурятские учреждения получили общее название — степные конторы [5, с. 66–67]. В данном оформлении они продолжали существовать вплоть до 1822 г. Тогда же было подтверждено аристократическое происхождение старшин, а также уточнялись традиции выборности «народом, который избирает на убылые старшинские места», другими словами за неимением приемника [5, с. 20]. В подтверждение позиции М.М. Геденштрома в 1859 г., высказался А.Ф. Раев, акцентировав внимание на судебной работе степных контор [9, с. 12]. Помимо прочего, М.М. Ге-

денштром понимал опасность такой обширной власти, которую он назвал «величайшее попользование к угнетению народа», дополнив «тем свободнее, что запрещено вмешиваться во внутренние распоряжения инородцев», указав этим на неправильность ограждения бурятского самоуправления от вмешательства администрации [5, с. 67–68]. Однако описанное не идет ни в какое сравнение с политической волей, имевшейся у бурятских правителей до прибытия русских, описание которому представлено в 1849 г., Н.С. Шукиным в статье «Буряты». Автор исследования сибиряк, родом из Иркутска, расширил понимание фигуры тайши определением «безспредельна...» [13, с. 430]. Вместе с тем, указав на случаи свержения тайши другими родовыми предводителями, уже после прибытия русских. Однако это действие не имело популярности. Разумеется, можно было обжаловать действие тайши. Но декабрист Н.А. Бестужев тонко указал на последствия для жалобщиков [1, с. 129].

Таким образом, отечественная историография пополнилась работой М.М. Геденштрома, осуществившего наиболее полное описание состава и порядка функционирования степных контор: «Их начальники суть один главный Тайша, несколько Тайшей, товаришей главному, и множество подчинённых Шуленгов и Зайсанов...Главный Тайша получает предписание от Земского начальства и передает их через свой Дзургань... к исполнению Шуленгам и Зайсанам» [5, с. 66]. Помимо этого, автором приведены интересные сведения о порядке освобождения старшин от несения повинностей и основаниях фамилий претендовать на должности [5, с. 67]. В 1870-х гг. в историографии сместился фокус исследований от описания и восстановления прошлого к его объяснению и интерпретации. Отсюда вытекает заключение В.И. Вагина об основных изменениях в положении бурятского самоуправления после приведения в русское подданство «утратив свободу политическую... в значительной степени сохраняли гражданскую свободу» [2, с. 260]. В таком состоянии самоуправление бурят подошло к комиссии А. Щербачева. Однако, эта ревизия не имела целей существенно изменять управление коренным населением. Однако исследователи подчеркивают ее плодотворность для дела пресечения злоупотреблений по отношению к иноверцам. Сущность этой проблемы В.И. Вагин видел в статусе самоуправления, приравненном к положению волости, которая находилась в непосредственном подчинении земской полиции, главного источника злоупотреблений. Помимо этого, автор считает, что в глазах правительства положение местных руководителей преувеличено [2, с. 260]. Такая двойственность в рассуждениях может быть интересной для анализа.

Помимо изучения состава самоуправления и порядка взаимодействия с администрацией, исследователи подтвердили актуальность и сохранность обязательств, закрепленных еще в XVII в., за коренными

народами в ходе их присоединения, и подтвержденных в 1763 г. Однако это не говорит об отсутствии самоуправления. М.М. Геденштром указал на необходимость произвести перерасчет установленного оклада, ввиду изменений в демографии и экономических условиях жизни населения [5, с. 20–21]. Детальный анализ сложившейся к началу XIX в. ситуации осуществил С.С. Шашков, который представил фактический материал о бедственном положении коренного населения, связав его с системными ошибками администрации и злоупотреблениями на местах [11, с. 571]. Вместе с тем была отмечена гибкость комиссии А. Щербачева при определении способов сдачи ясачного сбора [10, с. 31]. В дополнение к этому П.А. Словцов, приятель М.М. Сперанского, и некогда директор Иркутской гимназии, указал на возможность согласования оклада с родоначальниками. Но более популярной была практика одностороннего определения суммы в соответствии с числом ясачных и по состоянию промыслов. Также родоначальники могли способствовать улучшению жизни своих соплеменников, согласовывая места сдачи ясака «в казначействе или при суглане, где принимается ясак чрез земских чиновников или казаков», тут же автор подчеркивает связанные с этим неудобства в определении качества зверя и его оценке [10, с. 31]. Не менее важной обязанностью старшин был контроль за исполнением натуральной повинности и подводной гоньбы. Тему злоупотреблений при их исполнении раскрыл С.С. Шашков [11, с. 550].

Таким образом досоветская отечественная историография определила состав бурятского самоуправления как сформированный в соответствии с традициями самого народа. Кроме того, важным является заключение исследователей о сохранении изначальных принципов воспроизводства и функционирования самоуправления без существенных изменений с момента признания их в 1727 г. и в течение целого столетия.

Вторая группа исследований, посвященная «уставу», более обширна, совпадение с первой группой ожидаемы, ввиду закономерного расширения спектра задач историографии, которые в итоге охватили весь хронологический период существования бурятского самоуправления в русском подданстве. Однако, этот процесс будет постепенным, так первые публикации были сконцентрированы на принципах осуществления инородческого управления, учрежденного комиссией М.М. Сперанского. В этой части первым является исследование М.К. Кюхельбекера [7]. Оно носит обзорный характер, однако в тексте имеется интересный комментарий, из которого следует, что автор не видит существенных различий между новыми и старыми учреждениями [7, с. 39]. Более полную картину структуры самоуправления в 1854 г. представил Ю. Гагемейстер [4], где определил главный принцип образования новых учреждений в сохранении родового устройства.

Таким образом, для инородцев стало возможным организовать собственное представительство в лице старосты, при условии численности более 20 человек. Все же большая часть инородцев, переведённых в состояние оседлых, формировали собственные крестьянские волости, во главе с сельским старостой. Однако администрация могла отказать им в этом праве, указав на недостаточное количество населения [4, с. 15]. Простота управления оседлых инородцев была обусловлена их полной интеграцией в структуру русской администрации.

Кардинально противоположной является ситуация с управлением кочевых инородцев, которое имело несколько ступеней: а) родовое управление — «частное по каждому стойбищу, улусу или роду», в 15 семей, которых возглавлял староста при 1 или 2 помощниках; б) инородная управа — «улусам, наслегам, волостям и родам соединенным», возглавленная лицами в должности Тайши, Князца, Улусного Головы с выборными, и письмоводителем [4, с. 55]; в) степная дума — «для многих родов соединенных» под руководством главного родоначальника, «как то Тайша» вместе с заседателями: «Тайши, Зайсаны, Шуленги», численность которых зависела от традиции и состава старшин инородных управ, за которыми было закреплено место заседателей [4, с. 56–57].

Детальное определение получили обязательства и права инородных управ и степных дум. Юрисдикция управы распространялась на:

1) полицейские мероприятия: а) исполнение предписаний высшего начальства; б) санитарно-эпидемиологический контроль; в) отчетность по происшествиям;

2) хозяйственно-организационную работу: а) раскладка ясака и повинностей; сбор и взнос их, сбор недоимок; б) размножение хлебопашества; в) устройство хлебных магазинов; г) выпечение о продовольствии хлебом и солью; д) составление ведомостей;

3) судопроизводство: а) пополнение определений высших мест по делам гражданским; б) таковое же по уголовным; в) суд в маловажных по делам уголовным [4, с. 56–57]. Роль самоуправления в судебных разбирательствах раскрыта с практической стороны в работе А.П. Щапова, где инородцы оседлые и кочевые, а также русские крестьяне кооперируются для отстаивания своих интересов с целью смягчить тяжесть повинностей через суд, объединяясь в группы до 10 человек [12, с. 41]. Однако такая сплоченность встретила отторжение у администрации, которая лишила инородцев возможности прямо обратиться в суд, закрепив это право за не заинтересованными родовыми старшинами. Помимо того порядок судопроизводства у бурят имел интересную процедуру присяги, которая различалась по содержанию: а) очистительная; б) свидетельская; в) клятвенная, а также по форме исполнения в зависимости от культуры присягнувшего [9, с. 22–24]. Так можно вспомнить о замечаниях

А.Ф. Раева о солидарности бурят, проявления которой он видел в судебных разбирательствах между русскими и бурятами [Там же, с. 24]. В определении функций думы мнения А.Ф. Раева и Ю. Гагемейстера оказались одинаковы: а) народоисчисление; б) раскладка сборов; в) правительственный учет всех сумм и общественного имущества; г) ходатайство у Высшего начальства о пользе родовичей; д) распространение земледелия [4, с. 14].

Однако позднее исследователи перейдут от рассмотрения содержания «устава» к фигуре самого реформатора. Анализ действий генерал-губернатора М.М. Сперанского и его ближнего круга должен был привести к более глубокому пониманию тех принципов, которые он попытался вложить в свое учреждение. В этом направлении выполнены работы М.А. Корфа и В.И. Вагина, опубликованные в 1861 и в 1872 гг. В биографии М.М. Сперанского в работе М.А. Корфа в плоскости его связей с инородцами упоминается о разъездах генерал-губернатора по Забайкалью, о том же упоминает В.И. Вагин с указанием целей путешествия: ознакомиться с традициями управления бурят и оценить возможность расширение миссионерской деятельности [8, с. 213; 2, с. 266]. 5 марта 1820 г. на обратном пути и из Нерчинска в Верхнеудинск М.М. Сперанский собрал родоначальников хоринских бурят и привел их к немедленному исполнению предписаний, которые в будущем легли в основу «устава». Это ограничение поборов, ввод бюджета с целью обеспечить контроль за расходованием и сбором средств для самоуправления [2, с. 267]. Помимо этого, ограничивались дополнительные сборы «и другие противозаконные расходы» [2, с. 267–268]. Была объявлена свобода торговых операций для всех инородцев. В защиту рядовых инородцев от эксплуатации была объявлена не только мера пресечения в виду отрешения от должности, но и уголовное наказание, за содеянное злоупотребление или допущения таковых. Предписания коснулись и чисто делопроизводственных моментов, в аспектах разбирательства жалоб и приобретения управителями личных печатей [Там же, с. 268]. В заключении приводится предписание о смягчении подводной гоньбы в соответствии с которым лица, претендующие на подвод, ограничивались в их количестве, или были вынуждены платить [Там же, с. 269]. Отсюда исходит базовое видение порядка в инородческом самоуправлении, который, по мнению М.М. Сперанского, предполагалось образовать путем определения должностных инструкций, пресечения внутренних и внешних злоупотреблений и смягчении тяжести повинностей. Во втором томе своего труда В.И. Вагин определил подчиненное положение инородной управы по отношению к земской полиции и степной думы — к окружному управлению [3, с. 261]. Однако именно здесь поздние исследователи увидели несоответствие стремлений М.М. Сперанского и реаль-

ного положения дел. Н.М. Ядринцев так резюмировал нововведения: «Древнее самоуправление исчезало, старый общественный союз разрушался», а «инородческая волость явилась подчиненною на деле одним земским заседателям, власть которых явилась бесконтрольною» [14, с. 205]. Таким образом, создается впечатление бессмысленности реформ М.М. Сперанского ввиду невозможности бурят освободиться от злоупотреблений земской полиции, что очевидно подразумевалось при установлении непосредственного контакта между степной думой и окружным начальством. Не менее противоречивая сторона реформ М.М. Сперанского была обнаружена и описана в работе С.С. Шашкова. Автор увидел упущение «устава» в не разработанности критериев и в грубом разделении инородческого населения на разряды, учет уровня гражданского образования и развития промыслов, по мнению автора, были недостаточны. Не состоятельность произведенного разделения на разряды, прежде всего, отразилась на оседлых инородцах, образ и уровень жизни которых по задумке реформатора должны были стать притягательными и конечными для всех инородцев. Однако в действительности в это состояние попало большое количество лиц, не имевших возможности исполнять закрепленные за ними повинности [11, с. 561]. Кроме того, автор указывает на частые попытки администраторов приписывать недоимки с русского населения на инородцев при определении их в оседлые [11, с. 563–564]. В совокупности это привело к плачевному положению оседлых. Целые рода пытались жаловаться на нарушение их древних прав на земли и образ жизни. А при понимании невозможности повлиять на положение дел легально инородцы пытались подкупить чиновников с целью перевестись в состояние кочевых [11, с. 567].

Таким образом, дореволюционная историография прошла путь от изучения положений «устава» к рассмотрению обстоятельств его утверждениями и пришла к его критике. После данного этапа историография перейдет к разработке других направлений, базирующихся на истории самоуправления инородцев, однако ставящих качественно другие задачи перед исследователями, а именно: поиск лучших форм управления Сибирью в будущем.

Список использованной литературы и источников

1. Бестужев Н. А. Бурятское хозяйство / Н. А. Бестужев // Декабристы о Бурятии: статьи, очерки, письма. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1975. — С. 57–63.
2. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. Т. 1 / В. И. Вагин. — Санкт-Петербург : в Тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. — 801 с.

3. Вагин В. И. Историческая сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. Т.2 / В. И. Вагин. — Санкт-Петербург : в Тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. — 753 с.
4. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. — Санкт-Петербург : в Тип. 2 Отд. Собственной Е.И.В. канцелярии, 1854. — Ч. 3. — 109 с.
5. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири / М. М. Геденштром. — Санкт-Петербург : в Тип. Мед. Деп. МВД, 1830. — 166 с.
6. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей / И. Г. Георги. — Санкт-Петербург : Импер. акад. наук, 1799. — Ч. 4. — 388 с.
7. Кюхельбекер М. К. Краткий очерк Забайкальского края / М. К. Кюхельбекер // Декабристы о Бурятии: статьи, очерки, письма — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд., 1975. — С. 25–53.
8. Корф М. А. Жизнь Графа Сперанского / М. А. Корф. — Т. 2. — Санкт-Петербург : Изд. Импер. пуб. библ-ки, 1861. — 388 с.
9. Раев А. Ф. Буряты / А. Ф. Раев // Вестник Императорского русского географического общества. — Санкт-Петербург : в Тип Морск. Мин., 1858. — Ч. 24 — С. 1–41.
10. Слобцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Слобцов. — Т. 2. — Санкт-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1886. — 370 с.
11. Шашков С. С. Исторические очерки Исторические этюды / С. С. Шашков. — Санкт-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1898. — 669 с.
12. Щапов А. П. Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине, бурятской улусной, оседло-земледельческой и русско-крестьянской / А. П. Щапов // Сборник историко-статистических сводок о Сибири и сопредельных ей странах. — Т. 2, вып. 1. — Санкт-Петербург, 1876. — С. 1–41.
13. Щукин Н. С. Буряты / Н. С. Щукин // Журнал МВД. — 1849. — № 4, ч. 25. — С. 424–448.
14. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н. М. Ядринцев. — Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. — 308 с.

Информация об авторе

Цыдэнэ Ширап Цыденович — аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; 6700047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: sosoronov@hotmail.com.

Author

Shirap Ts. Tsydene — Postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: sosoronov@hotmail.com.